Глава 1041: Я вижу

‘Цзесин’ было старым именем Императора Тайцзуна в Графстве Тяньлян.

С тех самых пор, как Монолиты Небесных Томов пали в мир, не было никого, кто мог бы превзойти статус этого человека в истории.

По этой причине все на этом континенте, родились ли они до или после него, всегда относились к нему с высочайшим уважением и честью.

Ни оборотни, ни люди, и даже демонические герцоги в Городе Сюэлао, ненавидящие его до глубины костей, никогда не обращались к нему по имени.

Но сегодня Черная Роба так назвал его, и даже назвал его ‘маленьким мальчиком’.

Любой услышит, что его ненависть к Императору Тайцзуну простиралась прямо в костный мозг.

«Если бы время могло забыть все вещи прошлого, какой бы был смысл в нашем состоянии?»

Черная Роба ухмыльнулся Ван Чжицэ: «Ты однажды сказал, что тебя не заботят мирские дела, но похоже, что ты все еще не хочешь отпускать их».

Ван Чжицэ сказал: «Так как ты вступил в сговор с людьми из другой расы, это уже не мирское дело, а дело за границами этого мира».

Черная Роба спросил: «И что?»

Ван Чжицэ ответил: «Если ты уступишь этот безумный способ мышления, я готов сделать для тебя что-угодно».

«Что-угодно?»

Черная Роба сказал: «Я видел твою бесстыжую жестокость. Ты думаешь, что я буду обманут в другой раз?»

Сказав это, он развернулся и побрел к той столице глубоко в снежной буре.

Командир Демонов и Генералы Демонов последовали, пока те массивные фигуры в черных туманах постепенно исчезали.

Ван Чжицэ смотрел на фигуру Черной Робы с невероятно сложным выражением лица.

.....

.....

Лорд Демонов тихо покинул Город Белого Императора. Это был настолько тихий процесс, что никто не заметил.

Было много экспертов людей, желающих убить Лорда Демонов в городе, но никто не касался его, так как Белый Император громко заявил указ.

Этот указ был таким же, как и указ Мадам Му, дословной копией.

‘Пришедший издалека - гость’.

Все понимали, что это означало.

Всему в мире требовалось равновесие.

Для того, чтобы защититься против невероятного усиления расы людей, нельзя было слишком ослаблять расу демонов.

Консул Старейшин хранил молчание, как и Имперский Двор оборотней, как и эксперты, как Сяодэ, потому что это была воля Его Величества. Только Цзинь Юйлу, как и делал в прошлые несколько столетий, вступил в свирепый спор с Белым Императором, после чего был изгнан из Имперского Города продолжать свою жизнь в полях.

Чэнь Чаншэн и Танг Тридцать Шесть стояли на платформе для наблюдений, глядя в холл.

Солнце было невероятно ярким, а холл - невероятно мрачным. Было сложно ясно рассмотреть что-то внутри, были видны только министры, генералы и старейшины, поклонившиеся плотной волной.

Танг Тридцать Шесть вспомнил кровавую битву, которая имела место вокруг внутреннего двора. Он ухмыльнулся в ужасном настроении: «Это то, что называется ‘слабые разумны’?»

Чэнь Чаншэн ничего не сказал, только вздохнул.

Для Имперского Двора не потребовалось много времени, чтобы завершить сессию.

Министры, генералы и старейшины начали уходить. Они с расстояния уважительно кланялись Чэнь Чаншэну, а затем расходились. Никто не смел подходить и говорить с ними, даже старейшина племени Медведя и лидер клана Ши. Сегодня были совершенно другие обстоятельства по сравнению с несколькими днями назад в даосской церкви.

Спустя несколько лет Белый Император наконец-то вернулся в город. Для него не было потребности в политике или стратегии, чтобы вся раса оборотней объединилась под его волей.

Более того, единственный человек, который мог угрожать его статусу, лидер клана Сян, погиб жестокой смертью, и сам клан Сян был очень нестабильным.

Чэнь Чаншэн и Танг Тридцать Шесть вошли в холл.

Для Чэнь Чаншэна не было места присесть, но Танг Тридцать Шесть не мог назвать это неуважительным, потому что Белый Император тоже не сидел.

«Как дела у твоего дедушки?» - спросил Белый Император Танга Тридцать Шесть.

Сколько бы тихих проклятий у него не было, Танг Тридцать Шесть все еще ответил очень спокойно и уместно. Было нечего критиковать как в его вежливости, так и в его поведении.

Но, в конце концов, он не сдержался и сказал несколько слов.

«Я правда не могу понять, почему ему нравится подниматься столько бурь, хоть он и так стар».

Он определенно говорил о Старом Хозяине Танге, но объектом его насмешек был Белый Император.

Белый Император проигнорировал его. Поворачиваясь к Чэнь Чаншэну, он сказал несколько слов.

У этих слов был простой смысл, который запросто можно было представить.

Только глядя на невероятно близкие и превосходные отношения между обеими сторонами и выражение надежды, это смогло продолжаться.

Наконец, Белый Император сказал: «Ты и Чжэсю убили того парня на Пике Святой Девы. Это было превосходно».

Этот комментарий закончил разговор.

Служитель повел Чэнь Чаншэна и Танга Тридцать Шесть в резиденцию Лоло.

Чэнь Чаншэн продолжил раздумывать над этими последними словами.

Танг Тридцать Шесть объяснил: «Он говорил о Божественном Генерале Белом Тигре. Тот парень был довольно смелым, раз посмел называться ‘Белым Тигром’. Если бы не альянс между двумя расами, он бы много лет назад был бы убит Белым Императором. Для Белого Императора было непросто действовать, так что он и правда был рад видеть, что ты убил его».

Когда они достигли того каменного холла в высочайшей точке, они увидели фигуру у перил. Чэнь Чаншэн был немного удивлен, но он все еще пошел в холл.

Танг Тридцать Шесть, естественно, не последовал, вместо этого подходя к женщине у перил.

Каменный холл не был грубым построением. Круглые окна и эбонитовые вставки придавали этому месту роскошный и прекрасный вид.

Лоло стояла перед картиной, как одинокий белый цветок в горшке.

У нее было бледное лицо и скорбный вид. Она выглядела очень жалкой.

Не только из-за бессердечности ее матери и ее смерти, но и потому, что вскоре последует расставание. Многие другие вещи добавляли к этой грусти.

Чэнь Чаншэн стоял перед ней, очень долго храня молчание. Он вдруг предложил: «Почему бы тебе не пойти со мной?»

Лоло опустила голову, ничего не говоря.

Кап, кап, кап. Слезы разбрызгивались по полу.

Она через несколько мгновений подняла голову и вытерла слезы своим рукавом. Искренне улыбнувшись, она ответила: «Учитель, нет надобности».

Если бы Чэнь Чаншэн сказал ‘иди со мной’ вместо ‘хочешь ли ты пойти со мной’, она могла бы последовать за ним.

Второе было предложением, интересующимся ее мнением. Первое было приказом.

Как ученик, как она могла бросать вызов воле своего учителя?

К сожалению.

Она естественным образом прильнула к груди Чэнь Чаншэна.

Как и в прошлом.

Чэнь Чаншэн не знал, куда деть руку.

Когда он увидел следы слез на ее лице, ее ослепительную улыбку и ее ясные глаза, он подумал о многих вещах.

О стенах Ортодоксальной Академии, исщербленных дождем, об ослепительных сумерках, видимых с большого баньяна, и о том ясном озере.

Его рука опустилась.

Но в этот раз не так, как ранее.

В этот раз его рука легла на ее спину.

.....

.....

Прошло долгое время, но Чэнь Чаншэн все еще не вышел.

Танг Тридцать Шесть не сдержался и снова посмотрел в его сторону.

Сюй Южун не придавала ему внимания и не смотрела в холл.

Это было самое высокое место в Имперском Городе, даже выше, чем платформа для наблюдений.

Стоя у перил, она ясно видела платформу для наблюдений.

Она знала, что там однажды росла груша.

Она знала, насколько трогательным было зрелище лепестков груши, купающихся в дожде.

Она лично не так давно видела это зрелище.*

Кто мог не испытывать жалость к тому юному лицу, промокшему в слезах?

Танг Тридцать Шесть наконец-то не смог сдерживаться: «Ты...»

Сюй Южун бесстрастно сказала: «Закрой свой рот».

Немного злой Танг Тридцать Шесть сказал: «Я...»

Сюй Южун легонько нахмурила брови, говоря: «Даже я влюбилась, увидев ее, не говоря уж о нем».

---

* ‘Лепестки груши, купающиеся в дожде’ - китайское выражение со значением ‘плачущая

красавица’

http://tl.rulate.ru/book/1222/325336